

Фото из Википедии ©

*Гостинодворцы китайский товар
раскладывали и ожидали оживления
промышленности.*

М. Е. Салтыков-Щедрин «Сказки»

◆ В школьные годы Николай Андреевич*, не отставая от сверстников, умеренно коллекционировал старые монеты и ассигнации, марки, значки, спичечные этикетки, пистолетные и иные гильзы, а если попадались, то и заряженные патроны, а став с шестого класса юным радиолюбителем,— резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности, радиолампы и только входящие в обиход полупроводниковые диоды и триоды, уже зовущиеся по-нашему *транзисторами*. Хотя, хрен редьки не слаще, последнее английское слово и переводится как полупроводник... Отец его Андреев, боевой морской волк, хорошо державший в голове годы борьбы с иностранщиной в русской речи, и привел ему пример этих двух горьких на вкус овощей, разъясня, впрочем, тоже пословицей: «Назови хоть горшком, только в печь не ставь!» Поскольку же, как потомок скупых на слова староверов, на отвлеченные от обыденных и служебных дел интересы говорил только вводя в поджарый свой организм пару-тройку стопок «злойейки с зеленой наклейкой», что являлось крайне проблематичным в полностью «сухих» владениях Северного флота, к коим принадлежал ихний город Полярный, то и беседы со школьником-сыном случались редкими. Значит, следуя науке психологии, тем крепче и на всю последующую жизнь запоминались Николаю меткие и к месту определения отца.

Вот с таким почти трехмесячным перерывом — на Новый год, святое дело, мать выдала Андрееву заветную значенную бутылку горькой, а в самом конце марта месяца приехал с недельку погостить у родителей старший из пяти сыновей, уже живший своей семьей в не очень далеком, но уже с вольной продажей спиртного Оленегорске — наш шестиклассник накрепко затвердил два философских определения отца, на короткое время разговорившегося на отвлеченные темы. При употреблении иностранных слов вместо русских: ...умеренно (при детях же!) нецензурно, но в том наклонении, что, исключая ученые греческие и латинские слова, а также англо-голландскую военно-морскую терминологию, иностранщина в речи есть вернейший признак и показатель высокой степени природного тупоумия и близости к нашим предкам-обезьянам с их подражательными ужимками.

Прервавшись на тост за здоровье всех пятерых собравшихся сыновей (пили толь-

* Николай Андреевич и Игорь Васильевич Скородумов — наши постоянные персонажи; см.: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозаменении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

ко двое старших, преступивших уже давненько порог совершеннолетия) и благополучное завершение прошлогоднего Карибского кризиса, Андреян закончил про иностранщину: «...Еще естественным представляется название вин: «Шато дэ икэм», «Абрау-Дюрсо»... опять же грузинский коньяк «Грэми». Словом, все не по-русски звучащие названия и иных предметов, завезенных из стран их изготовления. Но вот когда женщина, она же баба, щеголяет иностранными словами, обычно не к месту, то это как седло на корове!»

А в новогоднее разговенье отец разъяснил Николке саму суть коллекционирования: «Это с какого боку-припеку посмотреть. Вроде как и Плюшкин, которого ты по школе знаешь, а с другой стороны к частной собственности, которую в год моего рождения у нас ликвидировали, наблюдается склонность. Собирай лучше марки и монеты; будешь хорошо знать географию и историю, соответственно,— и, промолчав с полминуты, добавил,— впрочем, жадности в твоём характере не имеется, то есть, когда придет время за девками приударить, на том твоё коллекционирование и завершится».

Дальше Андреян перешел на личности, то есть в очередной раз вспомнил Виссариона* с Седловатого маяка, страстного коллекционера, выцыганившего-таки у него за неполную литровку казенного спирта золотую английскую гинею, что в войну подарил Андреяну британский лейтенант-переводчик Джеймс Лэнг на память о совместной службе на острове Торосе, что севернее Седловатого... мористее, как в тех местах говорят.

Из всех своих собирательств, исключая, конечно, радиолубительство, которому он отдавал все свободное время, Николка наиболее серьезно относился к монетам и бумажным деньгам, ревнители которых на языке коллекционеров именуются нумизматами и бонистами, соответственно. По сравнению со всеми другими предметами собирательства это полагалось им наиболее солидным в глазах одноклассников и вообще знакомой ребятни. Одобрял и отец, отдавший «на зубок» несколько царских и иностранных монет, собственно и положивших начало любительской коллекции. Из отцовых монет особо приглянулись ему серебряный полтинник РСФСР двадцать второго года и алюминиевый франк сорок второго года республики Виши маршала-предателя Петена с изображением гильотины, к казни на которой он и был приговорен судом после освобождения Франции, но де Голль человеколюбиво заменил ее на пожизненное заключение... Заинтересовавшись, Николка отыскал в районной библиотеке — тогда еще Полярный, а не Североморск являлся райцентром — парутройку книг по военной истории, прочитал их и впоследствии даже учительницу порадовал своими познаниями в части Франции нашего века. «Вот видишь,— одобрял отец,— пятерки как с куста хватаешь, а всего лишь из-за одной монетки! Не перекладывай курса, следуй и дальше этим любознательным путем».

Как ни странно, но в сугубо военно-морском городе Полярном, в котором весь народ временно-пришлый, без местных корней, Николка собрал увесистую пачку ассигнаций, в основном, царские «синенькие», «зелененькие», «сашеньки» и «катеньки» разных годов печати, совершенно диковинные кредитки послереволюционных лет: «керенки», донские, советские времен Гражданской войны, колчаковские и вплоть до уездного махновского тисканья — все в номиналах от сотен до десятков и тоже сотен тысяч рублей. С такими же цифрами ассигнации — и откуда они здесь взялись? — Веймарской республики, то есть Германии начала двадцатых годов, и даже оккупационные немецкие марки как Первой, так и Второй мировых войн. На

* Реальное лицо: Виссарион Попов. Один из строителей уникального звуко-светового маяка на острове Седловатом — на выходе из Кольского залива. Он же известный в стране в 60—70-е годы филателист, издавший обстоятельную книгу о почтовых марках, посвященных Северу. Автор смутно помнит его по раннедетским годам, когда семья проживала на Седловатом.

недоуменный вопрос сына о «хождении» среди пацантвы нашего чисто военного, полярного и вообще основанного на диком месте всего шестьдесят лет назад города таких денег Андрейн и указал как раз на стопроцентно пришлое со всей страны население города: «Гм-м, впору иному особисту в штабе флота задуматься: что за мореманы у нас служат по своему происхождению, если с собой и на край света память о Колчаке, Махно, Керенском и белоказаках захватывают?» Николка усмехнулся на шутку отцову, но зато он прекрасно знал о происхождении кубинских купюр, причем исключительно в двадцать песо, размером под американский доллар, как знающие взрослые говорили, на которой во всю длину ассигнации живописно представлена высадка со шхуны «Гранма» на кубинский берег прибывшей команды Фиделя: все, кроме Че Гевары, с бородами, на плечах тащат американские пулеметы «кольты», сами перепоясаны патронными лентами — под наших революционных братишек явно косят...

♦ Двадцатипесовых кредиток у ребят столько водилось, что их использовали чем-то навроде междусобойной валюты. Старшеклассники — по бытовавшим в школе рассказам — и вовсе, собравшись на чьей-либо квартире с отсутствующими домашними, играли в кинга, банкуя пачками революционных денег. При этом для шику хозяин квартиры, рослый одиннадцатиклассник*, обряжался в отцов мундир капитана первого ранга, на стол ставил бутылку рома того же происхождения, что и кредитки, и все игроки дымили настоящими «гаванами», что с прошлого года продавались по тридцать пять копеек штука во всех табачных отделах и киосках страны... В Америке же их контрабандная цена за одну сигару взлетела до пятидесяти-ста долларов. Дави их, империалистов!

...Происхождение же такой инвалюты связано с прошлогодним Карибским кризисом, когда весь Северный флот двинулся курсом на Остров свободы. В Полярном опустела Екатерининская гавань, обычно под завязку набитая подлодками, их плавбазами, торпедными и противолодочными катерами и другими «плавсредствами».

Размещенным на кубинских рейдах и пристанях военморам из Полярного и Североморска, как то принято на чужой, хотя и дружественной территории, флотские финансисты выдали половину месячного оклада в местной, свежотпечатанной двадцатипесовой валюте, на которую, кстати говоря, на блокадной Кубе купить было нечего... Как уже взрослому Николаю, молодому специалисту-инженеру, в его житье в Тулуповске рассказывал его старший коллега и приятель, служивший в тот кризис на Кубе сержантом на радиолокационной станции ПВО, даже не перевоспитанные еще Фиделем мулатки-проститутки манкировали деньгами с героической панорамой высадки с «Гранмы», а в полном отсутствии в стране парфюмерии брали за услуги с советских военных *компаньерос*, солдат и матросов, одеколоном «Тройной» из расчета: один непочатый флакон за визит.

Случилось так, что очередную зарплату в песо выдали чуть ли не в день, когда Никита и Кеннеди ударили — по телефону спецсвязи — по рукам и кризис упразднили. Команды же советских кораблей срочно собрали по бортам и отправили восвояси в Полярный и Североморск. Поскольку в школе учились в основном дети флотских офицеров, то вся неконвертируемая валюта и оказалась в руках однокашников Николки. Благо другого похода на Кубу не предвиделось... И у него завелось несколько двадцатипесовых, выигранных в пристенную стуюлоку.

Но вот монеты, в отличие от бумажных денег, Николка добывал, причем исключительно царские серебряные и медные, в родной отцовой деревне Дворцы на берегу

* Имеется в виду «хрущевская» одиннадцатилетка, упраздненная в 1966 году. Никита Кукурузник ее сбежал после поездки в США. Нынешние одиннадцать классов — отсюда же вывезены...

реки Угры, куда семья каждое лето приезжала на двухмесячный заполярный отпуск. Уже в день прибытия в избу младшей из сестер Андреяна Настасьи, овдовевшей в войну, от ее ребят Славки и Тольки о появлении Николки-коллекционера с Севера узнавали пацаны самих Дворцов, окрестных деревень Новосаково, Ярлыково, Баскаково — все в воспоминании татарского времени — и самого райцентра села Льва Толстого, что все в округе именовали по старинке Тихоном; село было монастырское, Тихонова пустынь с недалеким отсюда освященным столетие назад целебно-спасительным источником, что доставляло хлопот районному начальству в двенадцатые церковные праздники. Хотя бы в самом монастыре давно размещались газетная типография, потребкооперация и ремесленное училище для подростков-инвалидов, а жители окрестных деревень происходили от двуеперстников, старообрядцев-поповцев. Опять же про хрен и редьку...

И в первый же «киношный» день в ветхом новосаковском клубе перед сеансом Николку окружала окрестная ребятня с монетами — от оббитого в игру расшибаловку малоценного увесистого пятака времен между первой и последующим революциями до уже заслуживающей внимания меди восемнадцатого и начала девятнадцатого века, уже не говоря о хорошо сохранившихся — в сундучной записке у бабок и прабабок, явно копившихся на черный день — рублевиках, полтинах и четвертаках с портретами царей от Александра Второго до тетки Николки с номером два. Попадались и более ранние, но без царевых парсун.*

По деревенским меркам того времени Николка расплачивался щедро. Сугубой малышне, запыхавшейся от бега и зажимающей в ручонках медяки, впрочем, порой и ценные, первых романовских царей, он с достоинством вручал новенькие — только что хрущевская реформа-деноминация прошла — пятикопеечники. Столько стоил билет на фильм в клубе. Ребятам посolidнее возрастом, своим ровесникам, за серебряную мелочь, пятачки, гривенники и двугривенные, выдавал за каждую монетку, не считаясь с годами выпуска, по двенадцать копеек, на которые тут же в сельмаге, расположенном углом к клубу, покупался большой пакет сладкой воздушной кукурузы — слово «чипсы» тогда не употреблялось, — рецепт изготовления которой Никита Хрущев привез вместе с «кукурузной идеей» из недавнего путешествия в Америку.

За серебряные рубли, полтины и четвертаки, как царевы, так и советские двадцатых годов, Николка платил по номиналу: «рупь за рупь», полтина за полтину. Только за явно ценный екатеринский рублевик с портретом глубоко декольтированной императрицы парень из Льва Толстого, постарше Николки, поопытней в жизни, сторговался за два «рыжих», которые тут же со своим дружком потратил в сельмаге на бутылку — 0,7 ординарного портвешка, а на сдачу — два пакета той же кукурузы. На закуску.

Андреян, разглядывая дневную добычу сына, одобрял снисходительно увлечение сына: «Главное, не увлекайся этим особенно, проявляй интерес к истории тех времен, когда эти монеты в ходу были. Как говорили в старину: мешай дело с бездельем — с ума не сойдешь!»

Вот с этим самым екатеринским-то рублем с бюстастой царицей в дальнейшей, студенческой жизни Николая (уже не Николки!) история обернулась самым неожиданным для него боком. Улита едет, когда-то будет, но время для человека убыстряется со вступлением в активную фазу жизни, которая для Николки началась с триединого события: окончание школы, переезда семьи (хватит, повоевали, потрудились на благо страны в арктическом Заполярье, пора поближе к исходным родным местам возвращаться...) в среднерусский Тулуповск и поступления его в местный политехнический

* Из каких-то неясных соображений Александр Первый не разрешал размещать на монетах свой портрет и указание на его цареву должность; также поступал и его брат Николай Павлович...

институт. Чем-то он приглянулся председателю приемной комиссии, потому с первого сентября и был определен на все пять лет учебы старостой *своей* группы.

Памятуя об отцовской рекомендации совмещать дело и бездельицу, как основе психического здоровья, Николай на первом курсе был мастаком пошутковать порой. Так для хохмы повадился носить за лацканом пиджака серебряный Георгиевский крест, что (без колодки, но с крепящим колечком) в тех же Дворцах выменял на почти не тронутую ржавчиной, как то бывает в песчаной почве, немецкую каску, обнаруженную при рытье нового погреба во дворе Настасьиной избы. ...Надо заметить, что хотя уже два года как Никиту Сергеевича отодвинули от верхней власти за «волюнтаризм и пробелелизм» (народ последнее слово произносил как *пробабелизм*...), но им самочинно дополненное словами «плюс химизация народного хозяйства» (это как сейчас *цифровизация*) ленинское определение социализма, как советской власти и электрификации всей страны, еще отражалось во всем укладе жизни, в том числе в вузовских программах. Потому в обоих семестрах первого курса всех технических специальностей химия полагалась, наряду с математикой и физикой, одной из главенствующих дисциплин. И два экзамена по химии не одну честолюбивую мечту первокурсника сломали.

Николай по химии, равно и по другим предметам, *шел* хорошо, даже ближе к *отлично*. Зубрить по-девчоночьи брезговал. Память и соображение от природы имел отменные. Тем более — староста! А в те годы народоправия должность эта являлась не номинальной, не на побегушках, но полагался свой голос, наряду с куратором группы, на деканских совещаниях. В частности, только от старосты зависело давать или не давать на текущий семестр стипендию сомнительному по успехам в учебе согруппнику! Но когда молодежавый и уже осанистый по-профессорски, с вдохновенной копной вьющихся волос, убранных в пристойную академическую стрижку-прическу, доцент Борис Соломонович, зорко отметив серебряный крест, который Николай, отогнув лацкан пиджака, демонстрировал во время лекции приглянувшейся ему еще с сентябрьского, «ознакомительного» колхоза Леночке Самохваловой, мягким баритоном пригласил того в преподавательскую и начал внеучебный разговор о коллекционировании, то Николай, подумав о двух экзаменах по химии, дрогнул и сдался «без аннексий и контрибуций». На милость победителя.

К следующей встрече в преподавательской, из которой Борис Соломонович — мягким намеком, что-де учебный-то процесс идет! — выпроводил подчиненных ему ассистенток и лаборанток, Николай принес все свои монеты, уложенные в коробку из-под отцовского трубочного табака «Золотое руно». Отцепил из-за лацкана и серебряный крест.

...Как раз крест и екатерининский рублевик особо заинтересовали потомственно-го (в третьем поколении собираем русские монеты и награды, доверительно сказал Борис Соломонович) коллекционера. Как истинный педагог и профессиональный собиратель исторических древностей, велеречивый доцент не просто легко и без сопротивления выменял у *своего* студента крест и рублевик на монеты из принесенного им «обменного фонда» (Николаю было все равно какие, лишь бы посуху уйти...), но и хорошо поставленным лекционным голосом рассказал про предметы, уходящие от Николая: «...Оба они, екатерининский рубль и Георгиевский офицерский крест, не подлинники. Но настоящие серебряные. И их *серьезная* коллекционная ценность от того не уменьшается. Даже наоборот, ибо выделаны они во время изготовления оригиналов. То есть это не фальшивка, не *новодел*, а значимый артефакт истории! Они у *серьезных* коллекционеров идут по специальной графе и зачастую украшают основное собрание артефактов. Взять вот крест — он офицерский, а это высшая воинская награда. Оригинал то ли потерян на поле боя, а может и запропастился в большом доме помещика, отставного ротмистра или полковника. Но ведь императорский указ в шкатулке лежит, вот и заказал он добротную копию у столичного или губернского

ювелира.— Есть чем украсить сюртук на балу у предводителя дворянства!

Еще проще дело с *бывшим твоим* екатерининским рублем. Видишь вроде как крохотные полоски на аверсе и реверсе? Это значит, что монету не штамповали на Санкт-Петербургском монетном дворе, а выливали в примитивную глиняную или из иного жаростойкого материала форму, копирующую монету оригинальную. Так самодельные добытчики серебра «государствляли» свой незаконный промысел...»

Пожелав Николаю успеха в учебе и коллекционировании, Борис Соломонович внеслужебно поручался с ним. На обоих экзаменах наш студент проявил отличные знания.

...История, следуя диалектике Гегеля, движется по спирали. Много лет спустя, Николай <уже> Андреянович, озаботившись поступлением сына в медицинский институт, где химия, наряду с биологией, суть главные вступительные препоны, а сын закончил школу с «гуманитарным уклоном», вспомнив о Борисе Соломоновиче, навел справки и узнал, что тот жив-здоров и вообще известен как главный в городе репетитор по этой дисциплине. Созвонился, поговорил на коллекционные темы, рассказал о своей докуке. Борис Соломонович обрадовался памяти о временах своей молодости, охотно взялся и довел сына Николая Андреяновича до поступления. Делай добро и оно всегда к тебе добром возвратится.

...С азбуки нам уже поздно начинать, или плохого князя и телята лижут, тем паче в наши век все подорожало, подешевела только совесть и все иные моральные качества современного человека, но все это многостраничное воспоминание в один миг обозначилось в голове доцента военно-технического факультета — по кафедре ракетостроения — Тулуповского университета Николая Андреяновича, в перерыве между лекциями «с окном» слетавшего на ближний Южный рынок с мотивированной целью: купить двухкилограммовый шмат соленого воронежского сала. С заполярной жизни уважал он этот продукт. Тем более, закадычный его друг, заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов с биофизического факультета их же «универа», как два пальца об асфальт, растолковал ему, что свиное сало, но только без мясной прослойки, есть самый безхолестериновый продукт, поскольку оно, сало, не имеет кровеносных сосудов, с которыми эта вредность попадает в человеческий организм.

Дожидаясь в преподавательской начала «чрезоконной» лекции с темой о флаттере, то есть дрожании (это как восторженно озвученный СМИ о новопостроенном волжском мосте, что вздыбился и заколебался при сильном ветре) несущих плоскостей крылатых ракет, Николай Андреянович все вертел в руках всученную ему в сдачу за сало пятикопеечную украинскую монету с рюриковым стилизованным трезубцем на реверсе и с цифрой «5» на аверсе — очень схожую с нашим пятирублевиком. Прекрасно он помнил, что в девяностые и двухтысячные годы, когда на всех российских рынках добродушные хохлушки продавали нарасхват копченое сало и колбасу, они же всучивали в сдачу эти самые 5 *кониюк* вместо схожих российских пятирублевинок покупателям из мужиков. Женщинам давать избегали, те слишком остроглазы.

Но сейчас-то, размышлял Николай Андреянович, когда с братьями-хохлами по указанию Великого глобализатора мы смотрим друг на друга только через пушечные прицелы, откуда на рынке эти *кониюки*? И сало на рынке токмо воронежское, хохлушек в помине нет... Но пришел к успокаивающему исследователя выводу: столько в свое время дружественной товароторговли пустили в оборот похожих на нашу пятирублевую монету *пятикопийок*, что уже наши покупатели вчиняют их отечественным торговкам, а те — в обрат. Словом, кругооборот воды в природе.

Прозвенел звонок, Николай Андреянович пошел рассказывать студентам, равнодушным ко всему кроме общечеловеческих ценностей, то есть долларов и евро, про явление флаттера у крылатых ракет и его сложное математическое описание.

♦ В то же самое время, пока Николай Андреянович, вертя в пальцах рук мало-

российскую самостийную монету, бегло вспоминал свое детско-юношеское коллекционное увлечение (монеты и боны он давно раздал детям и внукам), его друг профессор Скородумов беседовал со своим деканом, только что вернувшимся из китайской командировки. Увлекающийся по своей доброй натуре декан делился впечатлениями от посещения Поднебесной:

— Жизнь кипит, почти на глазах на пустом месте целые города из небоскребов вырастают...

— Да-да, и мы помним из советского прошлого: «За ночь ровно на этаж подрастает город наш...».

— Что же поделаешь, дорогой профессор!.. Хотя нет, и у нас сейчас строительство на большом подъеме. Только деньги готовы или в долговую ипотеку влезай. У них же как-то все по-другому, наверное, еще по-советски, по социалистическим принципам. У нас в СМИ об этом молчок, а китайцы, которых я спрашивал, ловко уходят от прямого ответа. Но главное, Игорь Васильевич, ведь не только небоскребы строят, но весь их миллиард с солидным лишком постоянно делом занят! Мастерской мира, равно как Англия в позапрошлом веке, Поднебесная стала; луноход ихний уже невидимую нам сторону Луны бороздит, атомный подводный флот скоро с американским сравняется. Это вам не фунт изюму... по-ихнему не кило арахиса! Все при деле... Энтузиазм стахановский!

— Оно и будешь всю жизнь при деле — на отсутствующую пенсию рассчитывать не приходится. Да оно и у нас сейчас так... серединка на половинку. Насчет мастерской мира все верно. Особенно в наших пенатах: уже гвозди с шурупами исключительно китайской штамповки. И в едалове тож подвижки в их сторону. Искусственный рис из отходов пластмассы вроде как у нас еще не продается, но вот на гречку, национальный русский продукт, покушаются. Я сам по утрам уважаю рассыпчатую кашу из нее, под котлетку, конечно, домашнюю. Но вот намедни супруга, по-женски польстившись на дешевизну, приобрела пару пачек, сварила на пробу, ем — чувствую явно не то, какой-то дикорастущий китайский гаолян... или чумиза?

Уже простодушный наш народ, безо всякого юмора и сатиры, житейски, не задумываясь, у продавщиц спрашивает, приценившись к чему-либо: «Это настоящий или китайский?». Я так размышляю, пусть трудолюбивые китайцы, нынешние наши вроде как союзники, хотя бы и показали свои зубы предупреждающе еще на Даманском, на меня не обижаются... размышляю, сопоставляя и анализируя действительность. В отличие от Британской мастерской мира девятнадцатого века, плюс Германской последней его трети и начала двадцатого столетия, нынешний Китай завалил весь этот мир ширпотребом. Выделяя в особливую статью электронику, то есть массово тиражируемую европейскую, американскую, отчасти японскую технику на ими же поставляемом оборудовании (как у Маркса: вывоз производства в страны с дешевой рабочей силой), все остальное имитирует западно-восточные оригиналы и производится в трех категориях. Особенно в части одежды-обувки. Для стран «золотого миллиарда» все это фабрикуется из добротного материала на поставленном с Запада и из Японии с Южной Кореей оборудовании. Заводы этого товара с многотысячными трудовыми коллективами располагаются в уездных городах.

Не прошедшие строгий контроль по материалу или качеству изготовления предметы ширпотреба организовано перевозят в соседний заштатный городок или большое село, где в цехах попроще, чем на «материнской» фабрике, на простеньком оборудовании всю эту некондицию доводят более-менее до ума. Этот второй сорт отправляют в Азию, Африку, в Восточную Европу, включая ниши бывшие «союзные социалистические». Самый же бросовый «некондишен» с фабрик и мастерских развозят по многочисленным окрестным деревням, где тамошний народ простейшим инструментом и приспособой клепают товар для российских купцов из-за речки Амура, которые и раз-

возят его по всем блошиным рынкам бывшей 1/6 части земной суши...

— Эх ты, Игорь Васильич, все живописал! Сам сочинил или в газете какой либерально-оппозиционной подглядел? То, что китайцы всему полезное применение найдут, это еще Чехов, который Антон Павлович, хорошо сказал: «Нет такого предмета, из которого китаец не приготовил бы обед...»

— Да-да, все верно. Но он, Чехов, там же и про евреев упомянул... но это не по теме нашего разговора. Так чем честь заслужил предстать перед вами?

— Не ерничай, Игорь Васильич, я по делу с тобою поговорить хочу. Поездку в Китай в группе исследователей в области биофизики, точнее биофизических методов в практической медицине и биологии человека, как нетрудно сообразить, мне «устроили» мои хорошие московские знакомые из научных кругов. Цель полагалась двойкой. Во-первых, сам догадываешься, после недавнего отлучения от Академии ее исследовательских институтов «академистам» самим приходится искать места и способы приложения их разработок, идей и прочая. Во-вторых, здесь все в струю попадает, то есть в недавно озвученную на высоком уровне программу усиления интеграции в экономических связях с Китаем, уже в СМИ получившую наименование нового Шелкового пути...

— Знаем, в сторону телевизора иногда смотрим: мы им газ, нефть, электроэнергию и дальневосточный лес, а они нам шмотье, гэджики для недорослей и баб, а ... впрочем и все остальное, начиная от кровельных гвоздей, благо у нас уже ничего не клепают, только энергоносители и эрзац-жратву! Отменно они только что подзаработали на переходе нашего телевидения «от слов к цифре»...

— Эх тебя то вправо заносит, то, напротив, либеральничать начинаешь. Ты уж определись!

— Про либералов это не ко мне. Либералы как раз ратуют гнать сырье только на разлудный им Запад: *це есть Еуропа*, как сейчас хохлы на ту же тему разговляют. Еще китайцам позарез нужен транзит по нашей территории: на Запад все везти.

— Ну, извины, дорогой заслуженный профессор. Я к тому подбираюсь, что не так все просто и грубо однозначно. Полагают в этом Шелковом пути научные отрасли и наукоемкие технологии. Совместное самолетостроение, например. И нам надо подключаться к этим делам. Сколько у тебя, да и по моей части перспективных разработок! Я там у них только намекнул, сразу меня к окну подводят: видишь, мол, свежепостроенный десятиэтажный домище? Хоть сейчас заселяйте своими, например, вахтовым методом, аппаратуру, какую пожелаете, из Штатов и Европы мигом доставим. Нам активные мозги, идеи перспективные, но только с реальным сроком внедрения в практику, вот как нужны! И никакой у *нас* принятой волокиты, бюрократии, «откатов» тем более — у *нас* чиновников за взятки расстреливают... не на повышение переводят. А? Каково, Васильич?

— На чьем возу едешь, того и песенку пой.

— Это к чему выдержки из фольклора?

— А к тому, что музыку-то они, как работодатели, заказывать будут: может верхнее «си», а то и самое нижнее «до». Да еще с бемолями и дизами. Это я применительно к моей сфере интересов. Здесь практическое приложение, технологии, говоря уже введшимся американским клише, равно может быть отнесено и к богоугодной медицине, но *еще более* к понятно какому, возлюбленному человечеством с пещерных времен, роду занятий. Притом особенно из всех этих занятий неразглашаемому. Вспомните, мой дорогой шеф, как в девяностые годы, когда, окромя новорусских дельцов и шестерок-бандитов, народ, в том числе и научный, вовсе потерял врожденную бдительность, время от времени сажали на приличные сроки, причем с общественной оглаской, московских и сибирских профессоров с приговором «за выдачу гостайны». И уже не с оглаской, но в своих научных кругах, где все друг друга

знают, всплывала подоплека: якобы совместные с китайцами исследования по «технологиям двойного назначения». Даже переданный «друзьям и братьям навеки» конспект лекций, что матерый профессор читает своим студияюзусам уже полвека, мог послужить путевкой в узилище... Табачок-то врозь.

Мне лагерную феню осваивать поздноато, так что прошу не уговаривать меня сесть на верблюда нового Шелкового пути. Без меня как-нибудь. При всей моей советско-коммунистической убежденности и солидарности с социалистическим курсом нынешней Поднебесной. Хотя бы тамошние вожди и руководители уже поменяли сталинско-маоцзедуновские кители со стоячим воротником на европейские пиджаки и галстуки, а число их долларовых миллиардеров приближается к нашему братковскому. Да и не привычный нам социализм у них, а госкапитализм. Главное, «облико морале» совершенно различным традициям следует: у нас еще ощутимые отголоски проповеди Христа, да еще усиленные «Моральным кодексом» семидесятых годов; у них — конфуцианская обезличенно-прагматическая установка. Потому-то китайская подделка-фальшивка «под бренды» полагается ими нормой, а в нашем отечестве сейчас, конечно, сплошное воровство, спекуляция, надувательство и взяточничество, но хотя бы официально осуждаемое, главное — не принимаемое пока еще большинством «простого народа» (по антитезе, значит есть и сложный?), как говорили в советское время. Сейчас же его именуют, как сплевывают через губу,— обывателями...

— Разошелся ты, Игорь Васильевич. Уже понял: Шелковый путь тебе не по пути, ха-ха-ха, извиняюсь за тавтологию. Хорошо тебе — за умеренную, правда, оплату — в свободном плавании находиться. А от меня все по восходящей начальнической лестнице планов громадье требуют. Дескать, спущена сверху директива Шелковый путь торить — будь добр-стать телодвижения проявлять! Тут уже и стихами заговоришь. Главное, был бы толк-то? Это только в старину поговорка сбывалась: за богом молитва, а за царем служба не пропадет!

Под конец рабочего дня Скородумову позвонил Николай Андреянович; просто и без затей поинтересовался текущими докуками. Не забыл упомянуть о всученном ему на рынке самостийном пятаке со стилизованным рюриковым трезубцем. Опять же безо всякого умысла сказал... надо же о чем-то с приятелем говорить для вежливости, если прошедший день оказался серым и скучным. На безрыбье и рак рыба, то есть и незалежная монета суть деньга. Как-то в голове Игоря Васильевича, очевидно тоже от скучности завершившегося трудодня, нейроны и синапсы вдруг замкнули три совершенно разнородные предмета: Шелковый путь, детско-юношеское увлечение друга Андреяновича коллекционированием и скорый день рождения давнего приятеля. Замкнуло — и зачем-то застряло в голове.

♦ До дня рождения Николая Андреяновича, хотя и не «датского», не круглого... даже не полукруглого, друзья встречались дважды: оба раза, как повелось, в маленьком, но уютно обставленном кабинетике профессора Скородумова в корпусе биофака. Даже не то что повелось, но, как определил записной щегольский латинист Игорь Васильевич, *necessitatio practica* — необходимость заставила: в университетский корпус военно-технического факультета, где состоял доцентом кафедры ракетостроения Николай Андреянович, у мирного по роду занятий Скородумова допуска не имелось.

В первую из этих встреч, назначенную принимающей стороной и вовсе по мало-значащему поводу — профессор, страстный библиофил, похвастался своим новым приобретением, староизданной книжкой модного во второй половине девятнадцатого века публичного философа Бокля о роли женщин в науке,— Игорь Васильевич, вспомнив о давешнем украинском пятаке, перевел разговор на известное ему увлечение собеседника в детско-юношеские годы коллекционированием монет.

— Было дело,— усмехнулся Николай Андреянович,— тогда все ребята что-то

собирали. И я не отставал. Все в прошлом нашем славном, увы, быстротечном. Раздал я свою любительскую, скромную коллекцию детям; теперь вот, если что в руки попадет, внуков-дошколят приобщию. Для будущих успехов в истории и географии, хотя бы сейчас и переведенных в бездушную *егэфско-тестовую* систему...

— А дозволю полюбопытствовать: откель и что это самое... в руки попадает?

— Да все современные иностранные, преимущественно курортных царств-государств навроде Таиланда, Лаоса, Египта, Турции... Сам знаешь, бабы, те же наши доцентши-преподши, с конца девяностых годов повадились летать на эти импортные курорты. Как понимаешь, не из-за каких-то там достоинств такого отдыха, но исключительно по принципу тусовки, как мы с тобой это называем: мол, Верка по два раза в год *лётает*, а я чем хуже? И давай своего мужика теревить. Тому бы весь свой отпуск и дарованные партией и правительством десятидневные «рождественские каникулы» провести от трудов праведных в умеренном запое, на худой конец в диванной лежке перед телевизором (а у «ходовых» свой интерес...), а тут его в Турцию тащат. Что он там не видел? Турок что ли? Так сходи на ближайший к дому рынок — какого угодно фасону физиономий узришь!

Словом, Васильич, как *слётает* на «боингах» — советские еще «илы» и «тушки» давно уже поизносились, а новых не клепают — наши факультетские бабенки, чьи мужики с деньгой, в Азию-Африку, а то и вовсе на Кубу и доминиканскую часть Гаити, так меня в презент и одаривают монеткой-другой... Как говорится, полетели за море гусыни, а прилетели — тоже не лебедушки!

— Это из каких-таких соображений они презентуют? У ихней сестры все по умыслу делается!

— Забыл, герр профессор, о природной их слабости: любви к детям, и своим и чужим. И подавать-то мне инвалитой стали после того, как обмолвился о приучении внуков к нумизматике. Доцентши это дело одобрили: пусть сначала для игры денежки собирают, а подрастут — будут на жизнь уже настоящие бизнес-деньги копить. Вот их будущие жены и тещи-то довольны будут!

— Логично,— отметил Игорь Васильевич, хотя бы в наличии у женщин логического мышления сильно сомневался. Даже специальную философско-психологическую монографию на эту тему написал и в столичном издательстве опубликовал в начале двухтысячных годов, когда гендерной толерантности еще не задолбали...

— А скажи, Андреяныч, когда в руки монетки эти берешь, не бьется сердчишко страстью бывшего коллекционера?

— Ну как же, воспоминания детства-юности и все такое. Нахлынет теплом, хоть на миг да отвлечешься от суконно-цинковой нашей действительности, когда божиться не велят, а лгать заказывают. Но — всему свое время; той первозданной радости и волнения сердечного от обретения новой монетки уже не вернешь. Как ты это на излюбленной своей латыни говоришь о быке и Юпитере?

— *Guod licet bovi, non licet Jovi*, Андреяныч, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру. Это ты верно заметил. «По закату солнца денег не считать», — бабуся моя говорила.

Все он подводил приятеля к какой-то цели, неосознанно для себя:

— А что, Андреяныч, собирая в отцовой деревне и окрест ее царские рублевики и полтины, серебряную и медную мелочь, небось постоянно держал в голове, еще мальчишечьей вихрастой, такую цацку заиметь, чтобы и ноги от восторга подкосились, а?

— Конечно, и мечты имелись. Я ведь не бездумно, как тот же Плюшкин, о коем мне отец напоминал к случаю, скупал или выменивал монеты, а читал на эту тему, о денежных системах, о редкостях, все, что на глаза и в руки попадалось.

— Наверное и про константиновский рублевик слышал?

Николай Андреянович, в этот миг багодушествовавший и подносивший к губам

чашку с чаем (в эту встречу пился только чай; хозяин кабинета иронизировал, дескать, зарекся и заклился пить — от воскресенья до поднесенья...), остолбенело выпрямил, как ефрейтор в парадном строю, голову, надав при этом подбородком по чашке, часть содержимого которой горячей струей плеснула ему же на правое колено.

— Ты чего, Андреяныч? Не в то горло пошло? Оно и понятно, чай не коньяк, организм противится,— рассмеялся Скородумов, увидев, что вреда здоровью друга нет.— Так почто встрепенулся-то?

Николай Андреянович, отставив на стол досадливую чашку и вытирая-промокая брюки на колене услужливо протянутой хозяином бумажной салфеткой, исподлобья взглянул на недоумевающего Игоря Васильевича, промолвил глухо, как обычно говорит тот, чью затаенную мечту походя зацепили неосторожным словом:

— Откуда про константиновский рубль знаешь?

— Здрас-сьте не запылывшись! Что я по-твоему полный ботаник, как нынешнее подрастающее поколение выражается? Хотя и служу профессором и на биофаке, но интерес свой тычинками-пестиками... ну-у и коньяком дагестанским, почти неподдельным, как тебе хорошо известно, далеко не ограничиваю. И много чего другого в жизни повидал, услышал. А если интересуется конкретика, то отвечаю: когда в Ленинградском университете — после нашего с тобою политеха тулуповского — математику изучал, что же мне в Эрмитаж зазорно было сходить? Там в нумизматическом отделе и видел этот рублевик. Да еще экскурсоводша про него рассказывала. Мол, эту редчайшую монету Эрмитажу, то есть музею в своей собственной *квартире*, подарил царь Александр-Освободитель. А ты тут чай, хорошо на свои же брюки, расплескиваешь от возмущения, что не сам-один только знаешь об этой монете. Да-а, типичная, как говорят профессиональные психологи, фрустрация, то есть фактор перенесения объективации, коллекционера! Ладно, обиды не таи, извиняюсь, что прямо в твою хрустальную мечту попал. Неужто со школьных лет про него знаешь? Расскажи, словом, не во гневе твоей милости, не в зоре твоей чести, как кто-то из классиков изрек.

Николай Андреянович, вытерев коленку, справился с совершенно невольным порывом, сам рассмеялся живучести психологии хотя и давно бывшего, но все же коллекционера. Допив нерасплесканный из чашки чай, неторопливо поведал о жемчужине русской нумизматики:

— Узнал я о нем, о рублевике Константина, несостоявшегося российского императора и самодержца, как ты верно угадал, еще в школьные лета. И как ты — в Ленинграде. Правда, под окончание этих чудесных, как в песне, школьных времен. А точнее — в последний год правления Хрущева, когда я перешел в десятый класс. Но Никиту Сергеевича подвинули с поста, вернее, со всех его должностей, осенью. Летом же наша семья в последний раз ездила в отпуск в отцовские Дворцы, ибо год уже моего окончания школы, хрущевской же одиннадцатилетки, был прощанием с Севером и переездом всего семейства в Тулуповск — на Большую землю, как говорят в Заполярье.

Для приобщения своих детей к «цивилизации» Андреян чередовал маршруты поездок, то есть выбирал поезда, следующие или через Москву, или через Ленинград. Там и этап брал билеты на продолжение пути с расчетом побольше часов пробыть в столицах, поездить на экскурсионных автобусах. В этот год дорога лежала через Ленинград. На правах почти что взрослого десятиклассника, оставив родителей и братьев меньших на Московском вокзале, часов пять, благо стоял прекраснопогодный июнь месяц, гулял по Северной столице, ориентиром держась Невского проспекта, Васильевского острова и Петропавловской крепости. Пришвартованной к набережной «Авроры» тож. В исторической части Ленинграда не заблукнешь.

Понятно дело, не обходил книжные магазины, особо выискивая, как радиолюби-

тель, популярные брошюры по этому славному делу. А на книжном летнем развале около магазина академической литературы на Васильевском острове, около университета, в котором ты, друг мой, попозже годами математику постигать станешь, обнаружил свежеезданную тоненькую книжицу в мягком переплете под названием «По следам одной редкой монеты». Издана здесь же, в Ленинграде. Она и посейчас у меня сохранилась, а из уважения к ней и к ее автору, еще учась в политехе самолично и любовно переплел — одно время увлекался этим мастерством. По глазам твоим и мимике вижу — догадался, что книга эта о константиновском рубле.

— Давай, давай, Андреяныч, заинтересовал. Потом и книжку эту мне для саморазвития на пару дней занеси.

— ...До поезда еще уйма времени, потому на Стрелке Васильевского, заприметив летнее кафе-мороженое, сел за выносной столик и начал читать. Не хуже чем детектив! — За полтора часа внимательнейшим образом прочитал. Трижды к прилавку подходил и брал посудину со вкуснейшим развесным мороженым — как будто вчера помню: одно с черносмородиновым вареньем, другое с малиновым джемом, а третье с ванильной шоколадной крошкой. У нас в Полярном, увы, мороженое не делали. Не до того на Северном флоте в разгар «холодной» войны после хрущевской кузькиной мамашы с ООН-овской трибуны было... Не до того, Федя, не до того!

История же с рублевиком Константина достойна пера Конан-Дойля и Эдгара По. Но только не современных детективщиков: не по Сеньке шапка. Их уровень — менты, их друзья бандюганы, проститутки и *олигархеры* уездного масштаба. Словом, по Салтыкову-Щедрину: не задевать персон чином выше коллежского асессора. А в истории с константиновским рублем действующие лица суть цари, великие князья, министры. И ареал действия — от Петербурга до Нью-Йорка. Тем более все оттенки чувствований и прочей психологии: от подхалимного угодничества (знает лиса чье сало съела) министра финансов, подольстившего Константину, на самом деле вовсе не собиравшемуся отказываться от уютного места наместника в Царстве Польском и занимать хлопотную должность Царя Всероссийского, приказавшего отпечатать полдесятка пробных рублевиков с профилем Константина, до интересов великих князей нумизматов, опереточной серьезности высокопоставленных инициаторов подделок и мышинной возни европейских и заокеанских спекулянтов. И все это накладывается на восстание декабристов с междуцарствием в пару недель между братьями Александром и Николаем и брательником же Константином, которому сгоряча после смерти Александра присягнула царская семья и вся Россия... Окончание же с похождениями рублевиков — революционные события семнадцатого года, расстрелы великих князей, эмиграция... Впрочем, какое окончание, если время от времени «потерявшиеся» рубли хоть и редко, но всплывают на самых солидных аукционах! А может и всеми забытые лежат по пыльным углам.

...Во все время страстного, увлеченного монолога Николая Андреяновича профессор Скородумов несколько удивленно всматривался в восторженное лицо друга, как бы что-то оценивая про себя. Такое выражение оценки-настороженности бывает у подростков при игре в чет-нечет, она же орел-решка, коль скоро речь идет о нумизматике. Но еще более внимательный, явно не гармонирующий с детективной темой, взгляд Игоря Васильевича можно было отождествить с опытным врачом, стетоскопом прослушивающим сердцебиение у пациента: как оно, сердце-то, выдержит интенсивную терапию? Или лучше побережь, обойтись щадящим, таблеточным? Да-а, сочувствовал профессор, опасно быть коллекционером!

...Расставаясь на уличной развилке, от которой обоим рукой подать до своих домов, профессор взял с друга слово, что в следующий вторник, день его рождения, будь-стать прибудет к нему в два часа пополудни: «Неудобно, конечно, зазывать именинника к себе, но к тебе в корпус, сам понимаешь, суровый вохровец не впустит.

В компенсацию за неудобство — фуршет за мной!»

♦ Оба приятеля до причисления к лику вузовских работников («Пора на пенсию, в Сенат!») трудились в военно-промышленном комплексе. И познакомились, сдружились в знаменитом тулуповском Конструкторском бюро (ныне покойного) академика Гусакова — оружейника с мировым именем. Потому были людьми дисциплинированными и обязательными. То есть аккурат в следующий вторник в начале третьего часа Игорь Васильевич поздравлял приятеля в своем уютном кабинете с очередной прибавкой, увы, не оклада или пенсии, но в возрасте.

— Мы с тобой, Андреяныч, не барышни на выданье, годами не пристало нам считаться, тем более огорчаться. Тем более, они не деньги, что легко занимают, но натужно отдаются, наоборот, «мои года — мое богатство», как поет, вроде бы до сих пор, грузинский певец. Это тот хрен, что после «пятидневной войны» за Цхинвали публично отказался от советского еще ордена. Давай, присаживайся к моему скромному достархану с почти неподдельным «дагестанским»! Поговорим неторопко пару часиков — извиняюсь, мне к четырем в главный корпус: позвонили с утра, велели прибыть; «диссерный» совет по кибернетике, в который вхожу, срочно проректор по науке повелел собрать: будет нас упрекать, что за последние три года всего одна кандидатская защита. А совет-то при чем, если оболтусов в аспирантуру на аркане не затащишь. Окончили «универ» — и в хакеры деньгу защищать! «Ботаников» и наивных радетелей науки уже не осталось. Тем более никто не помышляет о будущем доцентстве и профессорстве. Как Маяковский скандировал про добычу радия, что в грамм добыча, в годы труды. А добыча-то, то есть должностные оклады, поменее чем у дворников-гастарбайтеров, а из русских — магазинных охранников-бездельников и кассирш. Ну-у, господь с ними со всеми от гастарбайтеров до проректоров, а вот тебе, как ракетчику, мой именной презент: прижизненное издание сборника работ Жуковского по воздухоплаванию. Почти год, как приобрел в «Букниге», держал для тебя, утаивая!

Приняв восторженные слова благодарности Николая Андреяновича, не хуже профессора Скородумова любителя и коллекционера печатных первоисточников, хозяин разлил по первой, задравной, добавив скороговоркой как-то безотносительно, что подарок его скромен по нынешним утилитарным, вещественно осязаемым временам, но до заката дня еще далеко, а судьба порой неожиданно преподносит *всевозможные сюрпризы*. И совсем пропустил именинник, занятый бутербродами с красной икрой, кумжей и грудинкой натурального копчения, мимо ушей некие отстраненные от события дня рассуждения Игоря Васильевича, как будто самого себя убеждающего, на тему антистрессовых свойств умеренно выпитого коньяка. Тем более, под хорошую, калорийную закуску.

— Какой, какой-такой стресс? — заинтересовался было Николай Андреянович, но приятель, сообразившись неуместностью сказанного, тотчас перевел разговор на другую тему, только заметив, что стресс есть палка о двух концах: от огорчения и от сугубой радости.

— ...Так канадский немец Ганс Селье, создатель науки о стрессе и дистрессе, объясняет,— пояснил по-профессорски Игорь Васильевич,— говоришь, внучки твои детсадовские тебе ко дню рождения картинку нарисовали цветную: «Дед Коля — машинист паровоза»? Ну да, у тебя ведь супруга учительница рисования, знает, как направить неумелую еще детскую руку с карандашом или фломастером...

Без десяти четыре пошабашили, вышли на улицу, в пару минут дошагали до соседствующего главного корпуса, на углу обменялись парой слов на расстанях:

— Ну, именинник, ты ведь по проспекту пойдешь?

— Конечно, знаешь же, что напрямки по проулкам сейчас сложно из-за стройки «вставки» пробираться.

— Давай, иди. И мне пора пред светлые проректорские очи с нарочитым (сам все понимает — труба дело с аспирантами) гневом.

И добавил шутливо:

— Много не пей дома, ведь завтра трудовень! — Тем не менее для приличия топтался на углу корпуса, вроде задерживая друга. Наконец, еще раз пожав руку приятелю, развернулся и неторопливо пошел к входу в главный корпус, но боковое зрение все же отследило удаляющегося Николая Андреевича. Даже увидел, что того оставил (закурить или мелочи попросил?) некий бомжеватый мужичонка. Действительно, в четыре часа проректор собрал для административной вздрючки совет.

Придя после проректорского разноса домой, профессор Скородумов имел вид рассеянный. Явно не «стандартный» административный разнос являлся причиной этого. Ближе часам к восьми вечера все сдерживал откуда-то появившееся желание позвонить Николаю Андреевичу, например, под предлогом «поздравить еще раз, но уже в семейном кругу именинника». Некие колебания в части интуиции его останавливали. Выручила, как то часто и бывает в практической жизни, жена:

— А вроде бы у *твоего* Николая Андреевича сегодня день рождения? Почему не напомнил, ведь, небось, днем и отметили с ним это дело? Ну, ладно, *наберу* Ирину Станиславовну, давно не перезванивались, не виделись, поздравлю с именинником.

Почему-то заволновавшийся (ох, сам всегда не рад своей интуиции!) Игорь Васильевич спешно ретировался в санузел, в каком-то издавна, еще далеко от драконовских антитабачных узаконений, привык устраивать перекуры. Супруга с мобильником в руке оценила воспитанность и деликатность мужа. Он всегда старался оказаться за закрытой дверью во время ее телефонных разговоров. Правда, она догадывалась, что таковая деликатность в мыслях супруга инвертируется в как-то услышанную от него раздражительную фразу: «Бабский треп и сюсюканье по телефону даже в чем-то ненавистнее вечерних телевизионных политдебатов... и вообще дебатов в любое время суток». Она, снисходя к мужскому чудачеству, не обижалась. Как только за дверью «совместенки» наступила тишина, он тотчас вышел и поинтересовался ходом празднования.

— Ой, даже по телефону слышно: веселье как на юбилее! Андреевич твой *в ударе* полным, с приведенными внуками пляшет и хороводы водит, революционные песни поет. Ирина изумляется: чего дед разошелся, как будто премию в размере оклада получил...

Вся интуитивистская настороженность профессора исчезла. Сказав что-то непонятное жене про какого-то Ганса Селье, учению которого настоящий русский мужик, да еще заполярник по рождению, не подвластен, Игорь Васильевич совершенно успокоился, заблагодарствовал, с поощрения супруги выкушал за здоровье друга пару стопок коньяка из заначки, прилег на любимый диван и продолжил начатое позавчера чтение антинигилистического романа Алексея Феофилактовича Писемского «Взбаламученное море». Даже не просил жену убавить громкость люто ненавидимой им телепередачи «Тимофеев уикэнд», — от имени Тимофей...

♦ Все же врожденно-воспитанная интуиция не подвела нашего заслуженного профессора. Она его и самого иной раз пугала. Настолько беспокоила, что даже написал и издал лет десять назад двухсотстраничную книжку, в которой, проанализировав все известные теории по психологии мышления, с использованием самой сложной конструктивной логики, информационных теорий и специальных разделов высшей математики («Это как ребусник Синицкий — от Ильфа и Петрова — в своем алгеброиде путем очень сложного умножения и деления доказывает преимущество советской власти перед всеми иными властями», — сам над собой иронизировал Скородумов) доказал, что интуиция суть «пересечение» в подсознании человека архаичного инстинкта и современного интеллекта. Как всегда, теория его оказалась пионер-

ской, не имеющей прототипных гипотез и иных научных фантазий. Понятно дело, как обычно, это сочинение профессора, да еще с естественного-научным доказательством, против которого не возразишь, вызвала глухое ворчание в академических кругах. Тем более, в заключении к книге Игорь Васильевич совсем неполиткорректно назвал теории нобелевских лауреатов прошлого сугубо по части инстинкта, а их авторов, Анри Бергсона с его «творческой эволюцией», Фрейда с доминантой сексуальности и, что более всего возмутило «академистов», *нашего* Павлова с его уклоном в рефлексологию, профессор Скородумов легковесно нарек «певцами инстинктивного в мышлении и поведении человека». Такое столичными «авторитетами» не прощается... ибо сами не смеют по своему реноме. Но Игорю Васильевичу было глубоко плевать на мнение «авторитетов» (не бандитских, конечно, но научных).

Главное, сочинив и издав книгу, профессор досконально разобрался в своей, пугающей его порой, интуиции.

Итак, интуиция последних дней в отношении друга Николая Андреяновича не подвела. На следующий, послеименинный день уже в десять утра, едва Игорь Васильевич успел по приходу на службу (все *работают*, но только профессора и артисты гостеатров *служат!*) заварить чай, который и прихлебывал весь трудовой день, как случился звонок от Николая Андреяновича. Черт-те что было в голосе доцента-ракетчика! Профессор даже восхитился таким серо-буро-малиновым сочетанием: хлестаковская говорливость, восторг студента, которому препод по ошибке вписал в ведомость сто баллов, немисливо для серьезного человека перебивались на пониженной, шипящей от тайности октаве с некоей загадочностью. Через все сумбурное сообщение чувствовалась растерянность короля Лира и нескрываемый страх обрушившегося счастья, которое легко может перейти и в свою антитезу...

Ничего не поняв, а точнее списав главенствующий в голосе усталый восторг на вчерашние дневные и вечерние стопки коньяка, что активизирует сердечно-сосудистую систему, а также песни, хороводы и пляски с внучатами, Игорь Васильевич с прямой римлянина рекомендовал изъясняться в правилах логики и синтаксиса. Фонетики тож. В ответ Николай Андреянович просил уделить ему часок времени (без продолжения вчерашнего фуршета) — у него на сегодня занятия только утренние.

В начале первого часа явился и сам вчерашний новорожденный. Выражение его лица и даже всей несколько коренастой фигуры вполне гармонировали с давешним телефонным аудиоотображением. Так псевдонаучно сформулировал профессор Скородумов, заинтригованный происходящим с другом.

Деловито, не спрашивая хозяина, вошедший, не успев еще поздороваться, дважды повернул вставленный в замок двери ключ, торопливо пожал руку профессора, опасливым шепотом с хрипотцой (все же вчерашний «дагестанский» сказался) спросил для проформы:

— У тебя в кабинете, Васильич, прослушки нет?

— Ты что, Андреяныч, телесериалов насмотрелся? Какая прослушка в нашем богугодном заведении с марочной диетой? Я вот полгода не добьюсь у нашего электрика у себя в кабинете пару ламп на потолке — видишь как неоновые подмигивают? — сменить... нет, говорит ни единой на складе, кризис в мире и особенно в университетских финансах, а ты — прослушка! Ладно, не огорчай меня бытовым невзгодами, что случилось?

Николай Андреянович, все же загородив своей плотной фигурой в неснятом нарочито пальто максимально возможную часть стен кабинета с подозрительными розетками, противопожарными датчиками на потолке и переходными коробками электропроводки, нагнувшись над столом, вынул из застегнутого на пуговичку внутреннего кармана пиджака какую-то подсобную, вроде как из-под наручных часов, старую обтерханную коробочку, раскрыл ее и, значительно — пан или пропал!

Надеюсь, ты, Брут, не продашься красным комиссарам! — посмотрев глаза в глаза Игорю Васильевичу, с легким стуком и молча положил на край столешницы три рублевые монеты с профилями Петра Первого, Первого же Павла и... незнакомого Скородумову персонажа с округлой головой, слегка курносый небольшим носом, несколько вздернутым подбородком, зальсого и с узкими бакенбардами. И только прочитав надпись по кругу «*Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. И САМ. ВСЕРОС. 1825*», очень серьезно посмотрел на тож встревоженного происходящим показом Николая Андреяновича, несколько секунд промолчал, после предложил гостю снять пальто и присесть. Сам же немного поколдовал возле холодильника и «обеденного» шкафчика, поставил на стол перед Николаем Андреяновичем стопку с остатками вчерашнего «дагестанского» и на маленькой тарелке бутерброд с сыром, настоятельно порекомендовал:

— Выпей на вчерашнее, сними напряжение и рассказывай.

Николай Андреянович подчинился авторитету старшего по званию и степени. После стопки лицо его порозовело, а речь «пришла к логике и синтаксису», как рекомендовал ему еще в телефонном разговоре Игорь Васильевич.

♦ — Если, Васильич, сверхъестественного в мире не существует, то его бы следовало придумать...

— Ты прямо как Вольтер про бога говоришь! Может к делу, раз оно такое серьезное случилось?

— И я о том же. Вчера мы с тобой расстались у главного корпуса, не успел десятка шагов отмерить, как меня мужик вида *б/у* — 4 притормозил...

— Заметил я. На пиво недостающий червонец просил?

— В том-то и дело — нет! На вид забулдыга лет сорока, но по неухоженности и на полтинник с гаком потянет. Одет в помоечное тряпье, грязен, неумыт, тощий и сгорбленный, ростом метр-сорок с кепкой. Хотя запахом сивушным не тянет, но состояние явно похмельное. Нет, точно лет сорок ему, потому и отцом меня окликнул, дескать, помоги, отец, трубы горят, два дня с брательником квасили. Купи монеты серебряные, дешево отдаю — и протягивает в грязнейшей ручище вот эти самые три рублевика. И я, наверное, не хуже его, с горящими-то трубами: как увидел константиновский рубль, со школьных лет по той ленинградской книжке с цветными фотографиями, о которой ранее тебе рассказывал, знаемый — аверс, реверс, гурт, — так и ног под собой не ощутил. Все, мол, Андреяныч, хотя и умеренно, но допился! Глюки наяву пошли, пора завязывать! Но усилием воли вернул себя в чувство, перебивающимся от волнения и внутреннего нервного озноба голосом спрашиваю где взял. А у самого в голове одно предположение страшнее другого: ограбил музей или квартиру солидного нумизмата? Тут же себе «тпр-ру», какие такие в Тулуповске музеи и коллекционеры с константиновским рублевином, что даже в советской Большой энциклопедии, на что уж серьезнейшем издании, именовался *уникумом*? А Эрмитаж и Исторический музей в Москве, где имеются эти уникамы, да еще вроде как музей в Вашингтоне, явно бомжеватому собеседнику не под силу подломить...

Мужичонка же ссылается на бабкин сундук, что в его частном домишке-развалюхе в пригороде в подсобном сарае под всяким дровяным и железным хламом чуть не век простоял... только сейчас с брательником руки добрались. Главное, упирает мужик, бери задешево, отец, брат Петька совсем плох, помрет, не дай бог, без опохмелки. Бери кругом по четыреста рублей за штуку... домой мне нужно, братуха еле дышит, стакан-другой ему для поправления организма требуется.

Отсчитал ему тысячу двести, спросил — есть ли еще, или в бабкином сундуке только три этих нашел? «Нет, — говорит, — еще другие имеются. Тебе сколько нужно?» Здесь я совсем перепугался, еще в какую воровскую передрагу влипнешь. Дал ему отмашку прощальную и заторопился, не оглядываясь, на проспект, где полуднее

и затеряться от нехорошего взгляда в спину просто.

Пока домой шел, все мысли в голове путались: завязывались и развязывались. А что если правда заваленный хозяйственным мусором сундук бабкин или прабабкин, подгородней мелкой торговки-мещанки, что всю жизнь упрятывала в заветную укладку — детишкам и внучатам жизнь после ее кончины подсластить — серебряные рублевтики? Ведь это как доллары в Америке все действительно, бумажные и монетные, сейчас — любого года выпуска, как их за океаном печатать и штамповать начали, так и при царях до самой революции: имеешь законное желание честно заработанный или украденный в базарной толчее серебряный целковик в кабаке пропить — так целовальник или половой халдей, не моргнув, с любой царской парсунной рублевик примут. Вот и складывала, совершенно правильно не доверяя ассигнациям — живет-то ведь как на вулкане! — бабка или прабабка, увесистые серебрушки в сундучок... Да еще что покрасивее выбирала!

Кстати вспомнив все из той же ленинградской книжки легенду, что-де один русский коллекционер якобы константиновский рубль вместе с другими бумажными, золотыми и серебряными деньгами получил, сорвав банк в карточной игре где-то за границей Российской империи, вроде как в Баден-Бадене. Или в каком другом курортном городке...

И почему бы этой тулуповской подгородней мещанке или третьегильдийной купчихе не попасться константиновскому рублевику — одному из тех двух-трех, что миновали музейные стенды? Тем более в суматошные годы революций и Гражданской войны?

Нет, Васильич, даже отменяя ничтожнейшую вероятность попадания в бабкин сундук рубля-оригинала, все же наличествует, согласно все той же книжке, некоторое число новоделов-подделок, но ведь и они имеют высокую коллекционную ценность? Помнишь, не так давно рассказывал тебе о бывшем у меня фальшивом екатеринском рубле?..

— Почему эти монеты блестящие, словно только из-под штампа Санкт-Петербургского монетного двора... если, конечно, не новоделы?

— А-а-а, так это я их вчера, когда гости разошлись и в квартире все уgomонилось, тайком, запершись в ванной, почистил их. Слишком уж грязноваты на вид были. Тем более, серебро со временем покрывается окислом-патиной.

— Откуда же умеешь серебро чистить?

— Забыл, Васильич, в школьные годы любителем-коллекционером являлся, *свои* монеты, что из отцовской деревни, чистил. Дело нехитрое: соды обычной на влажную тряпицу и несколько минут потереть — вот и засверкают!

— Да-да, вспомнил из литературной классики: помещицы горничные столовое серебро содой чистили... а вот медный самовар в это же время лакей шлифовал до красного блеска толченым кирпичом. Ладно, серьезно к делу надо подходить, надо для начала проверить на серебро. Здесь сразу получим ответ: дальше что-то предпринимать или будешь с внуками этими рублевиками в ностальгическую расшибаловку играть.

— А как проверить? Помню, в моем коллекционном детстве как-то не сомневался в подлинности, но краем уха слышал: надо йода капнуть — высохнет, темно-коричневое пятно останется; вот еще обычной аптечной серной мазью пробовать — должно проявиться пятно черное.

— Андряныч! В двадцать первом веке живешь... и кафедра химии в соседнем корпусе...

— Так как так?! Раскрыть константиновский?

— Зачем константиновский. Вижу — все три монеты из одного металла, как когда-то певали: «...Из одного уют металла». Поэтому «обналичим» только самый де-

шевый, если иметь в виду оригиналы, — павловский рубль.

— У тебя знакомые профессора-доценты с химии?

— Зачем же их беспокоить и себя хоть чем-то выдавать. Мигом по универу разнесут: такие-то такие нумизматической спекуляцией занялись! Тебе это нужно? Мне — нет. Сейчас я своему аспиранту позвоню. Парень ловкий, мне его подкинули с кафедры информационной защиты, что также в соседнем корпусе.

Игорь Васильевич набрал номер:

— Приветствую будущего супершпиона-шифровальщика! Ты на кафедре?.. Хорошо. Знакомые у химиков имеются?... Замечательно, не надо мне объяснять в каких половых связях состоишь с этой аспиранткой, главное, чтобы голова и руки у нее из нужного места росли. Звякни ей — если на месте, а не дома, то перезвони мне сразу.

Через пару минут Скородумов откликнулся на звонок:

— На месте? Слушай, Вова, дуй незамедлительно ко мне — диспозицию здесь объясню... Клюквенной?.. А-а, в своем аспирантском столе про запас хранишь. Ладно, захвати. Я здесь с приятелем скучаю.

Порекомендовав остальные две монеты спрятать в давешнюю коробочку, рублевик с курносом (от него тот же профиль и у его сына Константина) Павлом Игорь Васильевич вручил примчавшемуся через десять минут Вове в обмен за пол-литровую бутылку уже известного ранее Николаю Андреевичу настоянного на клюкве самогона — гордости аспирантского деда. Профессор кратко пояснил что требуется. Аспирант Вова отсалютовал, уверив, что в течение часа обернется: подруга Люда как раз по части неорганической химии упражняется на кафедре.

..Не успели профессор с доцентом распробовать до половины бутылки «клюквенной» по новому рецепту деда-умельца, для спокойствия душевного как бы забыв о предмете сегодняшней экстренной встречи, вернулся Вова и положил на стол монету и распечатку со стандартной программы анализа: в объекте исследования содержалось: $Ag - 0,00\%$; $Sn - 89\%$; $Zn - 11\%$. После ретирования аспиранта («Больше заданий на сегодня нет, Игорь Васильевич? А то мне с Людой расплачиваться натурой надо...») профессор Скородумов соболезнующее поздравил перспективного игрока в расшибаловку и предложил «заиграть обиду» распитием «клюквенной» до донца, каковой приговор и был исполнен. Николай же Андреевич, по характеру сочетание сангвиника и флегматика, вновь обрел нарушенное было спокойствие души.

◆ Хотя и редко, но профессор Скородумов в дружеских посиделках с Николаем Андреевичем нет-нет да подначит: «Симилёровым рублик-то Костин оказался!»

— Оловянным, безо всякого симилёра.

— Э-э, брат, давненько шашек в руки ты не брал, в смысле не перечитывал классику! В девятнадцатом веке не только дворяне по-французски *парлеву*, но отдельные слова и в разговорном языке использовались. Так и симилёровый от французского *simile l'or*; это по созвучию сам можешь перевести: первое слово одного корня с «симуляцией», а «лёр» — золото. То есть подделка под золото: из сплава меди и цинка. А со временем и на все остальные мошенничества и эрзацы этот термин перенесли, на то же серебро. О последнем ты, Андреевич, как счастливый обладатель лжеконстантиновского рублевика, уже прекрасно знаешь: в основе поддельного сплава олово, как по цвету, твердости и особенно по удельному весу почти брат-близнец полудрагоценному серебру...

— Обижаясь, Васильич. Русскую классику хорошо знаю, не только по школьной программе почитывал. А вот симилёра этого не встречал — иначе бы запомнил.

— Значит рассеянно порой читал. Вот тебе навскидку из «Бесов» Федора Михайловича: эпизод, когда душегуб-живорез Федька Каторжный рассказывает Ставрогину, что ограбил наемни церковь, сторожа-подельника прикончил, а скупщик кра-

денного копейки сущие заплатил за «подбородник», то есть серебряный оклад с иконы Николая Угодника, дескать, «симилёровый он у тебя». Вообще говоря, хотя слово французское, но саму медно-цинковую, плюс чуток малый олова, подделку под золото узнали в своих индокитайских колониях, где такой сплав по-малайски называется томпаком. Тоже в русском языке употребительное.

Я, Андреяныч, чего думаю про твои рубли? — Слишком уж точно подобран вес сплава и «заявленный» на реверсе и гурте монеты с указанием пробы. Я все эти золотники, доли* и пробу пересчитал в граммы — точняк под истинный вес натурального, что указан в твоей книжке про константиновский рубль. Получается, с одной стороны, дешёвейшая подделка, с другой — точная выдержка веса с подбором большой внешней схожести с серебром указанной на монете пробы, искусственная патина старения... Главное, несомненная штамповка, даже надпись на гурте — видно, что точный «слепок» с оригинальной музейной монеты! 3-D-печать, как обезьянничают «с американского» наши СМИ, хотя бы есть совершенно аутентичный русский перевод: объемный.

И все это в части серьезных коллекционных монет, подделку каковых даже нумизмат средней руки тотчас определит! Нет, Андреяныч, что-то здесь не то: не в коня корм... опять же забулдыга из подгородней деревни с брательником, у которого «трубы горят». Не то, друг мой, не то. Загадка сия велика и многозначительна. Времена сейчас опасливые и настороженные, так что пока остерегись одаривать внуков оловянными целковыми. Пусть подрастут; может иные ветры подуют. Еще посмеемся над простотой разгадки.

...Но разгадка пришла уже через три месяца после описываемых событий, треволений и несбывшихся надежд Николая Андреяновича, кстати где-то узнавшего случайно, что на Нью-Йоркском аукционе лет пятнадцать тому назад «гуляющий» по рукам константиновский рубль оценили в полмиллиона долларов. Не то что за себя обидно ему стало, не заполучил такую сумму деньжищ, но за отечество: такой уникам и за смешные деньги! Все-то Запад принижает, относящееся к России.

День исчезновения тайны явления оловянного клона редчайшей русской монеты пришелся на ласковую погоду окончания мая месяца. Николай Андреянович подходил уже к своему дому, как пересекся на углу соседнего с недавним своим знакомцем Егором. Был он помоложе нашего доцента, потому по отчеству рекомендовал не называть. Где-то с полгода назад Егор, содержащий в соседнем доме крохотную по клинтуре автошколу, помещавшуюся в квартире с пристроенной лестницей входа с улицы, где и сам владелец проживал с лохматой собачкой Жучкой (жена-стерва при разводе обобрала как липку, еле сохранил деньги на эту вот квартиру), остановил визуально знакомого соседа. Был Егор в легком восторженном подпитии, душа требовала собеседника.

Поинтересовавшись краткой автобиографией и нынешним *status quo* Николая Андреяновича, узнав о его заполярном происхождении и исторической родине городе Полярном, Егор пришел в неописуемый восторг: «Да мы же с тобой земляки! Я срочную морфлотовскую в Полярном же служил катерником, а после дембеля шесть лет, женившись на этой нынешней стерве, жил в Мурманске, работал на судоремонтном заводе. Это надо же где нам с тобой встретиться?!» И так далее, долго вспоминали северные места. Более всего Егор сейчас опасался от скуки холостой жизни и малых доходов от своей автошколы. «Конкуренция здесь велика. Гадо бы мне хорошую, серьезную бабу найти, а то прикладываться часто начал по вечерам. Опять же завтра весь день кататься на машине: сам ведь себе и хозяин, и инструктор. Слож-

* Русские меры для малых весов: золотник — 4,266 грамм (1/96 фунта); доля — 44,43 миллиграмма (1/96 золотника); меры с 12-ричным основанием: 96 = 12 × 8.

но сейчас женщину-то найти. Хотя форму далеко не потерял, но как узнаю, что автешколу содержу, так и м и мерещится начинаю какие-то миллионы радужных бумажек!» И только запросившаяся домой Жучка развела двух бывалых североморцев.

И в позднемайский день «снятия печати» с тайны, как в апокалиптических откровениях Св. Иоанна, встретил Николай Андреевич знакомого Егора на том же углу и в таком же статусе: несколько выпивши, с Жучкой на поводке.— Явно серьезной женщины пока не обнаружилось.

— Что это, Егор, вечер почти, ты сам-двое с собачкой гуляешь, а по твоей «служебной» лестнице в твою квартиру какие-то бомжи входят как себе в дом?

— Понима-аешь, сосед, дела у меня с автошколой не ахти как идут. Сейчас всего четыре клиента, вернее четыре простипомы, которым их папки дешевые машинки купили. Вот и начал сдавать по вечерам, когда занятий у меня нет, в аренду «классную» комнату. Хм-м, интересный купец, молодой совсем парнишка, нынешний арендатор; говорит, для разгона в бизнесе откопал себе крохотную и необычную нишу: торговлю вразнос по своей сети китайскими поддельными коллекционными монетами. Я поначалу хотел отказать в аренде, мол, дело подсудное — фальшивомонетство! Но он, посмеиваясь, разъяснил. Китай сейчас в мире монополист в этом промысле. С помощью современных технологий штампуют настоящие подделки для «обувания» малоразборчивых нумизматов, то есть точные по весу, форме и так далее из настоящего золота. Серебра, меди и так далее, как у оригиналов, фальшивки фабрикуют малыми сериями, а то и под индивидуальный заказ — для таких же жуликов, только уже по торговой рознице. А чтобы уже готовые формы под изготовление еще доходы приносили — уже массово гонят дешевку, те же серебряники из оловянных сплавов. Они и вовсе ни под какую статью во всем мире не попадают: сувениры значит. Доходы, конечно, невеликие, но — с миру по нитке той же курочке по зернышку на прокорм. Плачу оптом где-то от ста до ста пятидесяти рублей за «серебряник», сетевикам своим отдаю по двести пятьдесят — триста, а они, уже сами с продажи свою долю получают. Рекомендую не более пятисот брать.— Чтобы даже близко к коллекционной стоимости не приближалось: а то при судебском усердии и к фальшивым делам могут привлечь! Сувениры они и есть сувениры. Распространителей из мужиков неказистых, лет сорока-пятидесяти набираю по объявлениям или на рынках отыскиваю. Учю их — под кого косить, как одеваться, в каких местах города промышлять, как наметанным взглядом потенциальных клиентов вычислять.

...Придя домой, облегченный от всех уже тайн и мировых загадок (не говоря о жизни на Марсе...), Николай Андреевич после ужина с доброй улыбкой смотрел на позапрошлогодний подарок профессора Скородумова — как выпускнику Северного флота — висевший на стене жестяной китайский сувенирный кортик (цена 500 рублей в подарочной коробке), издали очень смахивающий на настоящий.